

ТРЕТЬЕЙ ЮНЬСКОЙ МОНАРХИИ И РАБОЧИЙ ВОПРОС

А. Я. АВРЕХ

1

В течение ряда десятилетий царизм упорно отрицал существование в России «рабочего вопроса». Именно эта посылка определяла его политику до революции 1905—1907 гг. Рабочий вопрос он пытался решить на путях полицейской опеки и казенного охранительного реформаторства, в основе которого лежал тезис о «народности» царской власти. Этим в частности объясняется, что рабочей политикой ведало не Министерство финансов (за исключением фабричной инспекции), а Министерство внутренних дел. Пресловутая «зубатовщина» была не случайным эпизодом и не «счастливой» находкой жандармского полковника, а закономерным следствием общей политики царизма.

В особом журнале Комитета министров от 28 и 31 января 1905 г. следующим образом объяснялась позиция Министерства внутренних дел до 1905 г.:

«Число рабочих, занятых на наших фабрично-заводских предприятиях, весьма незначительно; благодаря счастливым (!) условиям землепользования, большая часть русских рабочих тесно связана с землей и на фабричные работы идет, как на отхожие промыслы, ради подсобного заработка, сохраняя постоянную, живую связь с деревней; никакой систематической борьбы рабочих с предпринимателями в России нет; нет в ней и самого рабочего вопроса, а потому и не приходится создавать по западным образцам фабричного законодательства. Возражать против этого взгляда в настоящее время, после январских событий,—меланхолично заключает журнал,—нет более надобности...»¹.

Крах «зубатовщины» положил конец этой иллюзии и заставил самодержавие пересмотреть принципы своей прежней политики, сделать попытку решить рабочий вопрос уже не на полицейской, а на буржуазной основе. История страховых законопроектов и есть история этой попытки. Так же как и столыпинская аграрная политика, новая политика в рабочем вопросе была одной из составных частей второго шага самодержавия в буржуазной монархии.

Формально сдвиг в рабочей политике был связан с известным указом 12 декабря 1904 г., который в числе прочего предлагал правительству «озаботиться» также введением государственного страхования рабочих. На деле поворот произошел после январских событий 1905 г. Первым его этапом было создание в январе 1905 г. так называемой Комиссии Коковцова.

Созданию комиссии предшествовал всеподданнейший доклад министра финансов, в котором Коковцов развивал программные положения будущей рабочей политики правительства. В нем подвергалась критике прежняя политика Министерства внутренних дел и обосновывалась необходимость нового подхода. В качестве предварительного

¹ «Рабочий вопрос в комиссии В. Н. Коковцова». М., 1926, стр. 21.

условия Коковцов потребовал «устранить всякие колебания в деле подведомственности рабочего вопроса на фабриках и заводах и возложить урегулирование его всецело на финансовое ведомство...»².

Конкретно предложенная Коковцовым программа сводилась к следующему:

1) Обязательная организация больничных касс на базе совместных взносов и управления фабрикантов и рабочих.

2) Создание на предприятиях смешанных органов из представителей администрации и рабочих «для обсуждения и разрешения возникающих на почве договора найма вопросов, а также для улучшения быта рабочих».

3) Сокращение рабочего дня с 11,5 ч. до 10 ч.; для двухсменной работы вместо 21,5 ч. (11,5 часов днем и 10 — ночью) установить норму в 18 часов (по 9 часов в смену); при трехсменной работе в будущем количество рабочих часов довести до 8-ми; ограничить законом сверхурочные работы.

4) Пересмотр статей закона, карающих забастовки и досрочное расторжение договоров о найме³.

Последний пункт Коковцов мотивировал неправильностью взгляда на стачку, проводимого в действующем законе, как на нарушение общественного порядка, подлежащее уголовному наказанию. Полемизируя с точкой зрения Министерства внутренних дел, Коковцов писал: «Совершенно верно», что «преступные учения» находят себе дорогу в рабочую среду. «Но вместе с тем также верно и то обстоятельство, что подавляющее большинство забастовок проистекает из-за чисто экономических... и, если так можно выразиться, кровных причин, ничего общего с преступной пропагандой не имеющих...»⁴. В подтверждение он ссылаясь на иностранное законодательство о стачках, исходившее именно из признания уголовной ненаказуемости мирных стачек.

В заключение Коковцов просил разрешения царя на обсуждение намеченных им «предположений» в Комитете министров. Это обсуждение состоялось 28 и 31 января 1905 г.

Комитет полностью согласился с программой Коковцова, осудив рабочую политику Министерства внутренних дел еще более решительно, чем это было сделано в докладе министра финансов. Особый журнал отметил как несостоятельную доктрину об отсутствии в России рабочего вопроса, подверг резкой критике «зубатовщину» и привел в качестве образца для подражания Бисмарка за то, что он «своевременно», в отличие от русского полицейского ведомства, оценил значение рабочего вопроса и изданием соответствующих законопроектов «взял рабочее движение в свои руки»⁵. Высказавшись за пересмотр закона о стачках, Комитет министров указывал при этом, что «для правильного разрешения вопросов о забастовках, возникающих исключительно на экономической почве, необходимо, чтобы рабочие были надлежащим образом организованы и знали точно свои права и обязанности, и что посему поставленный комитетом вопрос об изменении действующих о стачках постановлений должен быть разрешен по существу, лишь по обсуждении и выяснении всех прочих мер, определяющих внутренний быт рабочих»⁶.

На эту мысль об организациях рабочих в качестве предварительного условия при разрешении вопроса о стачках следует обратить самое пристальное внимание. На наш взгляд, это центральный вопрос в исследуемой здесь проблеме. Как увидим дальше, именно этот пункт ока-

² Там же, стр. 11—12.

³ Там же, стр. 13.

⁴ Там же, стр. 17.

⁵ Там же, стр. 22.

⁶ Там же, стр. 29—30.

зался камнем преткновения к решению «рабочего вопроса» на новой, буржуазной основе для царизма и буржуазии в третьеиюньский период.

В соответствии с программой своего шефа Министерство финансов разработало «основные положения» четырех законопроектов, которые были признаны первоочередными, с тем чтобы предложить их на совместное обсуждение Комиссии Коковцова и приглашенных к участию в ее работе многочисленных представителей буржуазии⁷. Предварительно законопроекты были посланы на заключение «Петербургского общества для содействия улучшению и развитию фабрично-заводской промышленности», ставшего позднее именоваться «Петербургским обществом заводчиков и фабрикантов».

Все четыре законопроекта общество признало неприемлемыми, руководствуясь двумя соображениями: 1) чрезмерностью экономических «жертв», требуемых ими от русской промышленности; 2) неприемлемостью принципа вмешательства государства во взаимоотношения рабочих и предпринимателей⁸.

Особую, прямо-таки неистовую ярость вызвал у петербургских заводчиков законопроект об обеспечении рабочих на случай болезни. Забегая вперед, скажем, что этот вопрос стал центральным в борьбе правительства и буржуазии при выработке и проведении через законодательные палаты страховых законов. Законопроект, утверждала записка Петербургского общества, «представляет беспримерное явление», не наблюдаемое нигде в мире. Законопроект, в случае принятия, создаст, по мнению заводчиков, «повод к бесконечным столкновениям» между рабочими и промышленниками. «Глубоко справедливое и единственно рациональное решение вопроса» записка усматривала в государственном страховании от болезней, ссылаясь при этом на практику западноевропейских государств⁹. В целом же проектируемое правительством страхование рабочих общество признало неслыханно «щедрым» и «разорительным» для промышленности¹⁰.

Иным был подход Петербургского общества заводчиков и фабрикантов к вопросам о свободе стачек, который полностью совпадал с правительственной точкой зрения. В правительственной записке, посвященной законопроекту о стачках, основной вывод был сформулирован следующим образом: «Не надо скрывать от себя и того, что только правильная организация профессиональных рабочих союзов и привычка спокойно обсуждать и решать свои дела сообща... (имеются в виду примирительные камеры и третейские суды.— А. А.), как это показывает практика Англии и Германии», будут «надлежащим образом» удерживать рабочих от «необдуманных решений, касающихся открытых споров со своими хозяевами»¹¹.

В свою очередь, записка Петербургского общества заводчиков и фабрикантов предпосылает этот тезис как исходный для всех дальнейших замечаний. В ней указывалось, что вопросу о свободе стачек «должно предшествовать решение вопроса о рабочих союзах...». Мы намеренно оборвали цитируемую фразу на середине, чтобы обратить внимание на весьма любопытное добавление: «а следовательно и о союзах промышленников, и о предоставлении рабочему и фабриканту права свободно между собой договариваться»¹². Записка требовала отмены закона, препятствующего юридической легализации синдикатов¹³.

⁷ «Рабочий вопрос в комиссии В. Н. Коковцова», стр. 36—40.

⁸ Там же, стр. 55, 79—86, 93—99.

⁹ Там же, стр. 55, 93—99.

¹⁰ Там же, стр. 59.

¹¹ Там же, стр. 170.

¹² Там же, стр. 175.

¹³ Там же, стр. 181.

Мысль о том, что ключ к решению как рабочего вопроса в целом, так и вопроса о стачках, лежит в рабочих организациях, проводится в записке очень настойчиво. «Вопрос об узаконении стачек,— указывает записка,— необходимо поставить в зависимость от свободы рабочих организаций,— в силу непрерывной логической связи между этими понятиями...» Точно так же «без рабочих организаций немислимо осуществление ни государственного страхования на случай инвалидности и старости, ни больничных касс, ни даже — казалось бы, на первый взгляд, имеющий только определенную связь с рабочими организациями — нормировки рабочего дня...»¹⁴.

Та же идея проводилась и в общей записке Петербургского общества заводчиков и фабрикантов. Вопрос «об организациях и свободных союзах» рабочих, говорилось в ней, «есть основной кардинальный вопрос, ибо все остальные вопросы могут получить то или прямо противоположное решение в зависимости от того, будут существовать свободные, в европейском смысле, союзы рабочих или нет»¹⁵.

17 мая представители промышленности, приглашенные Коковцовым, собравшись отдельно, составили заключение, в котором, помимо того, что оно полностью «разделяло соображения» Петербургского общества заводчиков и фабрикантов, специально подчеркивалось: «Представители промышленности признали необходимым оговориться, что проведение в жизнь намеченных постановлений без узаконения свободы союзов представляется неосуществимым»¹⁶.

Как известно, работа Комиссии Коковцова была сорвана приглашенными в нее промышленниками. Предложенные правительством законопроекты они расценили как попытку самодержавия выйти из революции за счет буржуазии, вместо того чтобы стать на путь требуемых ею политических реформ. Воспользовавшись в качестве предлога известием о Цусиме, они заявили, что это известие так потрясло их, что они не в состоянии дальше продолжать работу, так как это «сверх сил обыкновенных людей». «Мы все настолько взволнованы, настолько нервны,— говорил Крестовников,— что наше последнее совещание нас убедило в невозможности продолжать наши занятия»¹⁷. Все уговоры Коковцова не помогли, и комиссия перестала существовать спустя три дня после ее первого заседания (15 мая 1905 г.).

2

Следующим этапом было так называемое Совещание Д. А. Философова. На нем, помимо чиновников, были, так же как и в Комиссии Коковцова, широко представлены различные группировки промышленников. Совещание по сути распалось на два: первое прошло с 14 по 21 декабря 1906 г., второе — в феврале — марте 1907 г. Совещанию Д. А. Философова предшествовало Совещание М. М. Федорова (15—21 апреля 1906 г.), но мы не будем на нем останавливаться, так как самостоятельного значения оно не имеет^{18—20}.

¹⁴ Там же, стр. 176.

¹⁵ Там же, стр. 62.

¹⁶ Там же, стр. 232, 235.

¹⁷ Там же, стр. 236.

^{18—20} Ни журналов заседаний, ни стенографического отчета на совещании не велось. («Стенографический отчет Особого совещания при министерстве торговли и промышленности, шталмейстера Д. А. Философова, для обсуждения законопроектов по рабочему законодательству», б/г, стр. 18 (далее: Ст. от.). Труды совещания были восстановлены и опубликованы отделом промышленности Министерства торговли и промышленности, а затем перепечатаны Советом съездов представителей торговли и промышленности. Подробно о совещаниях М. М. Федорова и Д. А. Философова см.: Ив. Чистяков. Страхование рабочих в России. Опыт истории страхования рабочих, в связи с некоторыми другими мерами их обеспечения. «Записки юридического факультета Новороссийского ун-та», вып. VII, М., 1912, стр. 294—422; см. также К. А. Пажи т н о в. Некоторые итоги и перспективы в области рабочего вопроса в России, СПб., 1910, стр. 20—35.

На этот раз со стороны буржуазии руководящую роль взяла на себя новая всероссийская организация — Совет съездов представителей промышленности и торговли во главе со вчерашним председателем правительственной комиссии по рабочему вопросу В. И. Тимирязевым — человеком, который, по характеристике В. И. Ленина, олицетворял одновременно крупного дельца и «старую бюрократическую крысу».

На повестку дня совещания Министерство торговли и промышленности вынесло основные положения 10 законопроектов: 1) Страхование от болезней; 2) Страхование от несчастных случаев; 3) Страхование инвалидности (два варианта); 4) Сберегательные кассы обеспечения; 5) Правила о найме рабочих; 6) Рабочее время; 7) Врачебная помощь; 8) Меры по поощрению строительства здоровых и дешевых жилищ; 9) Промысловые суды и 10) Фабричная инспекция и фабричные присутствия²¹. В своей вступительной речи Философов, объясняя причины спешки, заявил, что «все эти проекты назначены для внесения в Государственную думу»²². Срочностью дела он также объяснял, почему вместо готовых законопроектов предложены на обсуждение лишь их главные принципы. Сделано так, говорил министр, «главным образом, по тем соображениям, что это составляет путь, наиболее быстро ведущий к цели и дающий возможность подготовить законопроекты до созыва новой (второй. — А. А.) Государственной думы, и чтобы они могли быть внесены на рассмотрение ее в первую очередь»²³.

Но один симптом, свидетельствовавший о начале крушения первоначального замысла, обнаружился на совещании уже совершенно отчетливо: вопрос о свободе рабочих союзов был обойден полным молчанием. Юридическим основанием для такого молчания служили пресловутые «Временные правила 4 марта 1906 г. об обществах и союзах», которые вернее было бы назвать правилами о запрещении союзов и обществ. Именно ссылаясь на них, столыпинское правительство разгромило сотни профессиональных союзов и сотням других отказало в регистрации. Тем не менее, повторяем, царизм еще намеревался в это время осуществить более или менее широкую рабочую реформу.

Промышленники же, наоборот, достаточно ясно дали понять, что они ратуют за всемерное сокращение сферы и объема рабочего законодательства и за оттяжку принятия каких бы то ни было рабочих законопроектов вообще. Председатель Петербургского общества заводчиков и фабрикантов С. П. Глезмер прямо заявил, что рабочее законодательство преждевременно и «чем позже будут рассматриваться эти законы в новой Государственной думе, тем правильнее будет их решение, — тем почва для них будет солиднее, нормальнее, доступнее»²⁴. По существу это было общее мнение буржуазии, но высказано оно было настолько прямолинейно и грубо, что Тимирязеву пришлось поправлять дело. Он поспешил заверить Философова, что все присутствующие представители промышленности, принадлежащие к возглавляемому им Совету съездов, «явились сюда с неперменным желанием здесь же решить те вопросы, которые признаются насущными»²⁵.

Однако состоявшееся обсуждение явно противоречило этому заверению. Выгода минуты, голый чистоган полностью взяли верх, совершенно отгнав соображения об общеклассовых интересах.

Мы, разумеется, лишены возможности хоть сколько-нибудь подробно остановиться на характере и содержании прений, составивших весь

²¹ Ст. от., стр. 9—16.

²² Там же, стр. 21.

²³ Там же, стр. 19.

²⁴ Там же, стр. 25.

²⁵ Там же, стр. 31.

ма увесистый том, и поэтому ограничимся самыми необходимыми замечаниями.

Промышленники внесли к законопроекту поправку, отменяющую твердо установленный минимум пособия рабочему на случай болезни и ставящую его в зависимость от воли каждой кассы в отдельности. Принятие такой поправки означало бы полный провал всей затеи. Если рабочему не будет гарантирован какой-то минимум обеспечения на случай болезни, пояснял смысл этой поправки глава отдела промышленности Министерства торговли и промышленности Литвинов-Фалинский, под чьим непосредственным руководством вырабатывались все рабочие законопроекты, «то вся эта организация (больничных касс.— А. А.) подложит большому сомнению»²⁶.

При обсуждении законопроекта о страховании рабочих от несчастных случаев промышленники потребовали, чтобы закон начал применяться лишь спустя пять лет после его принятия²⁷. Только горнопромышленники Юга выступили против этого предложения. В конце концов промышленники договорились между собой о двухлетнем сроке, о чем от их общего имени и было заявлено Тимирязевым²⁸. Второе требование, на котором они усиленно настаивали, состояло в том, чтобы в течение первых 13-ти недель, по образцу германского закона, лечение больных, пострадавших от несчастных случаев, возлагалось бы на больничные кассы²⁹.

Ратуя на словах за независимость страховых организаций, промышленники объявили недостаточными те поистине огромные права по управлению больничными кассами, которые предоставлял им законопроект (40% голосов на собрании уполномоченных кассы, председатель собрания либо сам предприниматель, либо его представитель и др.), и потребовали права veto на решение собрания участников кассы³⁰.

Декларировав «крайнюю желательность» законопроектов о страховании старости и инвалидности и признав, что этот вопрос «занимает центральное место» во всем комплексе рабочего страхования, предприниматели тут же заявили, что осуществление такого страхования в настоящее время является невозможным.

По поводу законопроекта о найме рабочих предприниматели заявили, что он «является для промышленности наиболее важным»³¹, и отвергли его с порога. Их не устраивала главная идея проекта — установление срока предупреждения об увольнении (хотя правительство пошло на уступку, предложив трехдневный срок вместо прежних двух недель). В противовес ей они выдвинули тезис о «полной свободе соглашений». Суть этого требования состояла в том, что отмена предупредительного срока давала капиталистам могучее оружие против забастовок. Следует учитывать, что вдобавок к нему они выдвинули другое условие: право рассчитывать всех рабочих, даже если забастует только часть. «Если,— заявил Триполитов,— рабочие будут знать, что за оставление работ хотя бы 10 лицами, будет грозить расчет всем рабочим, тогда прекратятся забастовки». «Фабриканту,— пояснял он далее,— следует дать полную власть угрозы и прекращения работ и увольнения рабочих, без этого вы не достигнете цели»³². В конечном итоге смысл требования промышленников сводился к праву перманентного локаута, произвольному праву закрывать завод в любую минуту под любым вымышленным предлогом.

²⁶ Там же, стр. 97.

²⁷ Там же, стр. 126, 129, 136.

²⁸ Там же, стр. 12 (вторая пагинация).

²⁹ Там же, стр. 12, 13 (вторая пагинация).

³⁰ Там же, стр. 99.

³¹ Там же, стр. 88.

³² Там же, стр. 138 (вторая пагинация).

Философов очень спешил. Возглавляемое им совещание успело обсудить только шесть законопроектов из десяти. Министр хотел успеть внести в Думу хоть что-нибудь. Однако из этого ничего не вышло. Философов вскоре умер, а II Дума была разогнана. Так кончился второй этап в развитии рабочего вопроса и начался третий.

3

28 марта министр торговли и промышленности Шипов внес законопроекты по страхованию рабочих по болезни и от несчастных случаев в Совет министров³³. Для скорейшего внесения и рассмотрения их в Думе при Министерстве торговли и промышленности было создано междуведомственное совещание под председательством товарища министра торговли и промышленности Н. А. Остроградского, заседавшее в апреле — мае 1908 г. Сюда были приглашены и представители промышленников.

Это совещание представляет для нас исключительный интерес. О нем мы можем судить прежде всего на основании четырех документов, из которых два исходили из буржуазного лагеря и два из правительственного. Первые два — это доклад Г. С. Касперовича Совету съездов представителей промышленности и торговли от 6 июня 1908 г. и отчет М. Н. Триполитова общему собранию Петербургского общества заводчиков и фабрикантов от 30 мая 1908 г., вторые — доклад члена Совета министров внутренних дел И. Я. Гурлянда и др. от 10 июня 1908 г. и Особый журнал Совета министров от 17 и 19 июня и 26 сентября 1908 г. (утвержден царем 30 октября того же года).

Представителям промышленности удалось, по их же собственному признанию, выторговать для себя весьма существенные уступки. «...Из спорных вопросов, — признавал Триполитов, — большинство по представлению промышленности имело успех»³⁴.

В своем докладе Касперович прежде всего отметил, что законопроект об обеспечении рабочих на случай болезни «представляет значительную разницу» по сравнению с первоначальной редакцией и суть ее состоит в том, что он объединяет в себе «два прежних отдельных проекта — страхование от болезни и о врачебной помощи рабочих, причем постановка последнего вопроса радикально изменилась»³⁵. Изменение это сводилось к следующему. Правительство осталось на своей прежней точке зрения, «не разделяемой ни одним западноевропейским законодательством», что оказание врачебной помощи является прямой обязанностью владельцев предприятий, но вместе с тем отказалось от своей прежней идеи дать точное определение размера лечебной повинности предпринимателя путем денежных сборов по числу рабочих. Теперь, по проекту, владельцы в натуре должны давать лишь первоначальную врачебную помощь и амбулаторное лечение, причем им предоставлялось право входить по этому поводу в соглашения с больничными кассами, земскими и городскими учреждениями и т. д. Что же касается больничного лечения, «осуществление которого могло бы быть особенно затруднительным для владельцев промышленных предприятий», то здесь проект предусматривал лишь денежную ответственность предпринимателей перед лечебными заведениями за лечение ими больных рабочих в размерах ее действительной стоимости и содержа-

³³ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 4, д. 125.

³⁴ Там же, ф. 150, оп. 1, д. 591, л. 10.

³⁵ Там же, д. 594, л. 237. Таким образом, существующее в нашей литературе представление о том, что от всех первоначальных проектов страхования остались в конечном итоге только два (не считая двух сопутствующих законопроектов о Страховом совете и страховых присутствиях), не совсем точно. Фактически, как мы видим, остались три законопроекта.

ия последних. Таким образом, промышленники добились крупной победы, тем не менее она их не устраивала.

Но в данном случае нас в гораздо большей степени интересуют изменения, внесенные в законопроекты по настоянию Министерства внутренних дел и явившиеся главным содержанием и итогом деятельности Товарищества Остроградского. Сюда прежде всего относится прямое вмешательство полиции и администрации в дела больницы кассы и лишение всякой самостоятельности по отношению к правительству, вернее к Министерству внутренних дел и губернатору, Страхового совета страховых присутствий. В первоначальном виде, по мнению Касперовича, такая относительная независимость была. «Теперь постановка дела езко изменилась»³⁶.

Был введен ряд статей, устанавливавший «мельчайшие подробности адзора» за деятельностью общих собраний членов кассы. Председателем страхового присутствия становился губернатор (а не старший фабричный инспектор, как проектировалось вначале), в состав присутствия входились вице-губернатор и начальник жандармского управления. Присутствие получило право закрывать кассы и передавать их дела другим, в случае если оно установит, что «положение дел кассы угрожает несостоятельностью или же действия больницы кассы представляют опасность для государственного порядка и общественного спокойствия». Этим хотели «по возможности охранить... больничные кассы от вредного влияния со стороны социалистов-демократов»³⁷.

Оценивая итоги совещания, Касперович писал: «Все эти наслоения в проекте являются результатом вынужденной уступки со стороны Министерства торговли и промышленности... властным требованиям представителей Министерства внутренних дел». Теперь в законопроекте «особенно сильно подчеркнута политическая сторона дела»³⁸.

Такую же оценку указанным изменениям и расхождению двух министерств давал и Триполитов. При этом он всячески подчеркивал категоричность позиции ведомства Столыпина. Не только «здесь голосу представителей промышленности места не было», — указывал Триполитов, но «даже Министерство торговли и промышленности пошло как бы на буксире Министерства внутренних дел»³⁹.

Еще более наглядно суть разгоревшейся дискуссии между министерством Столыпина и ведомством торговли и промышленности раскрывается в специальном докладе Гурлянда и других представителей Министерства внутренних дел в Совещании Остроградского, который был направлен в Совет Министров 10 июня 1908 г.⁴⁰

Наибольшей критике в докладе подверглись законопроекты о Страховом совете и страховых присутствиях. Согласно проекту, говорилось в докладе, Совет по делам страхования состоит номинально в ведомстве торговли и промышленности, но по своему составу является органом междуправительственным, а по правам и характеру деятельности представляет собой учреждение вневедомственное. Хотя председателем Совета будет сам министр, но его власть очень недостаточна. Пять представителей других четырех ведомств (из 14-ти), входящие в Совет помимо представителей Министерства торговли и промышленности, поставлены проектом «в положение рядовых членов», и их голос не получает «подобающего значения»⁴¹.

³⁶ Там же, л. 239.

³⁷ Там же, л. 240.

³⁸ Там же, л. 240 и об.

³⁹ Там же, д. 591, л. 10.

⁴⁰ Там же, ф. 1276, оп. 4, д. 125, л. 251 и об. Доклад так и назывался: «Доклад представителей Министерства внутренних дел, принимавших участие в работах совещания по рассмотрению законопроектов Министерства торговли о страховании рабочих» (там же, л. 270).

⁴¹ Там же, л. 270 и об.

Доклад требовал, чтобы Страховой совет был превращен в совещательный орган при Министерстве торговли и промышленности, а представители ведомств имели бы право протеста против принятых советом решений, которые, в случае недостижения соглашения с министром, должны рассматриваться Советом министров. «Особенно важным,— говорилось в докладе по этому поводу,— явилось бы предоставление такого права протеста старшему представителю Министерства внутренних дел. Это вытекает уже из одного того, что при устройении страхования рабочих по системе мелких больничных касс в жизнь страны вводится сразу свыше 2000 новых самоуправляющихся организаций, а следовательно, и все вопросы, связанные с деятельностью этих организаций, едва ли могут решаться иначе, как в тесном единении с тем ведомством, на ответственности которого лежит охранение порядка в государстве, руководство общей администрацией и надзор за закономерностью деятельности органов самоуправления и соединств»⁴². О требованиях Министерства внутренних дел в отношении страховых присутствий уже говорилось выше.

Большую ценность представляет для нас острая и язвительная критика в докладе законопроекта об обеспечении рабочих на случай болезни, ибо весь спор авторы его перевели в плоскость общей дискуссии о принципах рабочей политики в целом. Министерство торговли и промышленности,— указывал доклад,— придерживается «такого воззрения на рабочий вопрос, при котором рабочие составляют определенный общественный класс, со своими особыми классовыми задачами и особыми классовыми правами, настроениями, если угодно — даже капризами, с которыми государство должно более или менее почтительно считаться». Все это вытекает из формулы доверия «к принципу общественной инициативы и общественной самодеятельности», принятому министерством, но на деле этот принцип сводится «к самоустранению» власти. А суть дела состоит в том, следовал далее решающий вывод, что «едва ли мы можем скрывать от себя, что мы переживаем момент, и момент не случайный, не такой, который позволительно было бы считать скоропреходящим, когда от власти требуется усиленное доверие к общественной самодеятельности, а эта последняя усиленно воспитывается в сознании своей обязанности относиться к власти не иначе, как к чужому, почти (!) вредоносному»⁴³.

Итак, перед нами выраженное бюрократическим, полицейским языком, но совершенно ясное признание, что страна по существу переживает революционный, а не конституционный кризис, и ни о каком доверии «общественной самодеятельности» к власти не может быть и речи. Иными словами, объективная обстановка исключает путь реформ в направлении к буржуазной монархии и в области рабочего вопроса. Далее эта мысль пояснялась несколько иначе: «Таким образом,— констатировал доклад,— не будет преувеличением сказать, что правительство, приняв данный проект Министерства торговли, решилось бы на опыт, осуществление которого с пользой для дела требовало бы прежде всего веры в то, что полное и радикальное изменение общих наших культурных условий (читай: политических.— А. А.) уже произошло или произойдет в самом непродолжительном времени». А раз такой веры нет, то «государственная власть должна быть тем определеннее в своих требованиях о руководительстве и надзоре за деятельностью больничных касс» и «в этом отношении проект оставляет желать весьма много»⁴⁴. Исходя из этой посылки авторы доклада в вопросе о врачебной помощи категорически требовали возвращения к прежнему порядку. В будущем законе должны, по их мнению, действовать два принципа: «1) определенная ре-

⁴² Там же, л. 271.

⁴³ Там же, лл. 273 об.—274 об.

⁴⁴ Там же, л. 274 об.

гламентация количества и качества врачебной помощи в зависимости от численности рабочих и 2) абсолютное обязательство владельцев предприятий осуществлять врачебную помощь натурой в случаях, когда по устройству таковой не последует соглашения с больничными кассами или общественными установлениями»⁴⁵.

17 июня страховые законопроекты стали предметом обсуждения Совета Министров. Особый журнал Совета Министров представляет собой в сущности повторение взглядов и перечня требований, изложенных в докладе Гурлянда. По сравнению с последним Шипову была сделана лишь одна, правда значительная, уступка: выслушав его доводы, «Совет Министров счел возможным не возражать против внесения выработанных Министерством торговли и промышленности предположений, касающихся постановки врачебной помощи рабочим, на рассмотрение законодательных учреждений»⁴⁶. Что же касается формулирования основного тезиса, то журнал здесь нисколько не уступает, в смысле категоричности и определенности, докладу.

Отметив в качестве положительного момента «ближайшие черты сходства» законопроектов с соответствующим германским законодательством, журнал далее указывал, что германские начала могут быть проведены в жизнь только с тщательным учетом «особенностей русской жизни и без нарушения коренных основ существующего у нас административного строя». Между тем рассматриваемые законопроекты это требование «не вполне обеспечивают». При современных условиях государственного и общественного развития нашего отечества, — развивает журнал эту мысль, — «необходимо, чтобы за органами административного управления обеспечена была возможность ближайшего руководительства рассматриваемым делом и бдительного за ним надзора».

Сославшись на то, что русский пролетариат «не составляет такого сплоченного и в общем достаточно культурного класса, каким являются рабочие в Западной Европе», а потому, как показала «смута последних лет», захватывается «крайними партиями», журнал, переходя к современному моменту, указывал: «рабочие находятся теперь, насколько известно, в состоянии нравственной подавленности и взаимного недоверия». Поэтому «следует предвидеть», что проведение в жизнь обсуждаемых законопроектов может «послужить толчком к новому пробуждению среди них сознания своих профессиональных интересов, и весьма важно, конечно, чтобы это движение не было тотчас же использовано в революционных целях. Надо ясно отдать себе отчет в том, что рассматриваемыми законопроектами создаются сильные рабочие организации, в руках которых будут сосредоточены крупные денежные суммы. Рабочему классу даются, таким образом, организация и деньги»⁴⁷.

Таким образом, мы наблюдаем факт определенного поворота царизма в рабочей политике после 3-го июня. Прежде всего обнаруживается отказ от программы, обсуждавшейся в дотретьеиюньский период. Наиболее «профсоюзная», если так позволительно выразиться, часть программы — законопроекты о продолжительности рабочего дня, об условиях найма и т. п. — были отодвинуты до греческих календ, хотя они, по сути дела, были уже готовы. Оставление же именно страховой части программы объясняется тем, что ей, в силу самой специфики рабочего страхования, в зависимости от желания, можно было придать либо преимущественно полицейско-попечительный, либо «самостоятельный», основанный на соглашении сторон характер.

⁴⁵ Там же, л. 278. Подробно это требование мотивировано в особом мнении Шмидта в совещании Остроградского (см. там же, лл. 187—189).

⁴⁶ Там же, л. 424.

⁴⁷ Там же, л. 411 и об.

Во-вторых, и это главное, восторжествовавшая полицейская точка зрения была обусловлена, по собственному признанию ее вдохновителей, невозможностью, в силу сложившейся в стране политической обстановки, реализовать курс конституционно-реформистского решения рабочего вопроса в России.

Сказанному противоречит, на первый взгляд, неожиданность вмешательства Министерства внутренних дел в судьбу страховых законопроектов, которую констатировали и Шипов⁴⁸, и промышленники.

Однако эта неожиданность только кажущаяся. На самом деле указанный поворот был плодом зрелого и долгого размышления, тщательного анализа политического положения в стране вообще, настроений рабочего класса в особенности. В этом отношении исключительный интерес представляют найденные нами письма, соображения и проекты по рабочему вопросу известного ренегата Льва Тихомирова, появившиеся на свет благодаря прямому заданию Столыпина и непосредственно ему адресованные автором. Эти документы после убийства Столыпина были найдены в его личном архиве и переданы 4-му делопроизводству Департамента полиции.

В письме Столыпину от 31 октября 1907 г. Тихомиров изложил свои основные теоретические и политические воззрения по рабочему вопросу. Поводом к написанию этого письма были посланные ему Столыпинным материалы по западноевропейскому рабочему движению, изучением которого специально занялась газета «Россия»⁴⁹.

Первый и коренной вывод Тихомирова заключался в недопустимости только негативного подхода к рабочему вопросу, диктуемого страхом перед рабочим движением. «Понятно, что бывает и может быть опасна и рабочая организация,— писал он.— Но разве не опасны были организации дворянская, крестьянская и всякие другие? Если государственная власть не исполняет того, что вызывается потребностями жизни, она... за это наказывается революционными движениями»⁵⁰. «Вывод отсюда тот,— писал Тихомиров,— что наше государство в настоящее время должно ввести в круг своей мысли и заботы организацию рабочих. Все сложности и опасности этого дела должны быть приняты во внимание, но никоим образом не могут остановить исполнения долга государства перед этим громадным слоем населения»⁵¹.

Тихомиров считал, что организовать рабочих в желательном направлении в России труднее, чем в Англии и Германии. Там промышленный рабочий занимается своим трудом «постоянно и исключительно», поэтому его «легко убедить» в том, что «чрезмерные требования, способные разорить фабрику, невыгодны для самих рабочих». Русские же рабочие, «пришлые из деревни, на это глухи: такому рабочему самое главное привезти в деревню не 100, а 200 рублей, и за эти несчастные (!) 100 лишних рублей он готов разорить миллионное заведение. Почему? Потому, что он через год даже и не рассчитывает быть рабочим, а мечтает только купить лошадь и заняться сельским хозяйством. У нас эта «нечистота» состава промышленных рабочих ...мешает вообще прогрессу фабричного благоустройства, в частности, и хорошей постановке рабочей организации».

Тем не менее организация нужна, но здесь есть «одно важнейшее обстоятельство», которое необходимо учитывать при решении этой задачи:

⁴⁸ В письме Столыпину от 9 июня 1908 г. Шипов писал, что для него явились «полной неожиданностью» «коренные разногласия во взглядах» между его ведомством и Министерством внутренних дел, обнаружившиеся в Совещании Остроградского (там же, лл. 280—281).

⁴⁹ Речь, по-видимому, идет о статьях, печатавшихся в «России» с 10 июля по 12 октября 1907 г., под общим заголовком «Профессиональные союзы и политическая борьба». Всего было опубликовано 59 статей.

⁵⁰ ЦГАОР СССР, ДП, 4-е д-во, 1908 г., д. 251, л. 1 об.

⁵¹ Там же, л. 2.

«Ни одного социального вопроса нельзя решить хорошо, без хорошей общей политики... когда общая политика находится в упадке или хаосе, нечего и думать решить какой-нибудь частный вопрос». Поясняя свою мысль, Тихомиров ссылается на опыт Англии и Германии. Почему, задает он вопрос, английское рабочее движение, бывшее сначала «очень революционным», стало затем реформистским («деловым», «практическим», по определению автора.— А. А.)? И отвечает: потому что «английский строй сразу показал, что его сломать нельзя. Ни правительство, ни фабриканты не трусили... а в то же время справедливым требованиям рабочих давался исход. Вот именно сила власти и побудила рабочих отказаться от мечтаний и заняться делом». Так же обстоит дело и в Германии. Немецкая «социал-демократия отказалась от попытки всеобщей забастовки только по уверенности, что правительство раздавит ее вооруженной силой».

Этот свой заключительный вывод Тихомиров подчеркивает снова и снова, прибегая к самым категорическим выражениям. Своим письмом, указывает Тихомиров, он «желал лишь выразить то глубочайшее свое убеждение, что без твердого, соответствующего русским условиям, государственного строя, мы не можем иметь твердой политики. А при политике шаткой, колеблющейся... ни одного социального вопроса... провести нельзя, особенно же такого сложного, как рабочий... Я не верю в успешность никаких мер частных, пока у нас не будет ясной и твердой государственной власти, не подлежащей никаким перетолковываниям». Лишь тогда «русский народ всех слоев и классов может прийти к решению и стремлению спокойно и разумно устраивать... свои частные дела и интересы»⁵².

Таким образом, из письма видно, что Тихомиров придавал рабочему вопросу исключительно большое значение.

Что же касается странного, на первый взгляд, утверждения об отсутствии в России в начале XX в. постоянного рабочего класса, то здесь Тихомиров имел в виду рабочую аристократию, если не настоящую, то во всяком случае будущую, тот «культурный класс», выражаясь языком доклада Гурлянда, который уже сложился на Западе.

Но главное в письме — признание слабости власти. И что особенно важно — признание, что понимание этой слабости распространено в народе, является одной из основ его политического настроения, особенно рабочего класса. При подобной ситуации, делает вывод Тихомиров, решение вопроса с точки зрения интересов строя невозможно. Оно будет возможно только тогда, когда рабочий класс и народ в целом убедятся в том, что власть сильнее их и тогда откажутся от мысли о ее революционном ниспровержении, встанут на путь «деловой» политики. Таким образом, и Тихомиров определяющим моментом русской действительности в третьейеюньский период признал наличие революционного настроения масс, отсутствие возможностей для конституционно-реформистского пути.

Подобный вывод во всех аспектах внутренней политики царизма в третьейеюньский период влек за собой всегда одно и то же следствие: тенденция к отказу от всяких попыток «реформ» теснила ясное понимание их необходимости. Очень ярко эта коллизия проявляется в отзыве Тихомирова на записку чиновника особых поручений при министре внутренних дел, считавшегося, по-видимому, специалистом по рабочему вопросу, Блажчука, под названием «О профессиональном движении в империи». В задачу Блажчука входило обобщить и проанализировать данные о развитии профессионального движения в России на основе Временных правил 4 марта 1906 г. и дать свои соображения о необходимых изменениях при выработке постоянного закона об обществах и союзах. За-

⁵² Там же, л. 28 и об.

писка содержала не только обширный доклад, но и детально разработанный законопроект. По просьбе Столыпина они и сделались предметом критики со стороны Тихомирова.

Записка Блажчука, по его мнению, заслуживала тройкой оценки: «1) Все обрисовывающее грозную опасность, представляемую обществами в руках революционеров, заслуживает величайшего внимания; 2) Критика закона 4 марта 1906 г. содержит некоторые очень ценные указания, но в общей целости способна вызывать и возражения; 3) Самый же «проект» нового закона следует признать совершенно неприемлемым, за исключением некоторых частей»⁵³.

По мнению автора, писал далее Тихомиров, закон 4 марта «в смысле противодействия революционному движению совершенно не достиг цели». Более того, он «создал лишь новые удобства (!) для действия революционеров», предоставив им широкие легальные возможности. После двухлетнего действия «Правил» в 70 губерниях и областях империи среди рабочих было основано 1046 легальных и 94 нелегальных профессиональных общества. По данным «Биржевых ведомостей», взятых Блажчуком, они насчитывают 200 тыс. членов, но, по мнению Тихомирова, эту цифру надо поднять до 300 тыс. Согласно «записке, революционеры доминируют в этих обществах: 161 общество было закрыто за неблагонадежность, и таким образом 255 обществ (вместе с 94 нелегальными) носят явно антиправительственный характер». «Об остальных 885 утешительных сведений нет, сведений же тревожных очень много». «Все это,— заключает Тихомиров,— составляет картину грозной опасности, требующей внимания и мероприятий». Поэтому нельзя не согласиться с автором записки, что «ввиду крайней опасности положения, явившегося после издания закона 4 марта 1906 г., необходимы серьезные и неотложные меры власти для парализования опасности».

Причину создавшегося положения Блажчук усматривал в... либерализме Правил 4 марта⁵⁴.

«Проект закона об обществах», предложенный Блажчуком, устранял этот «либерализм» настолько решительно, что вызвал категорические возражения со стороны оппонента, отнюдь, как нам известно, не зараженного либеральным духом. «Коренной недостаток его (проекта.— А. А.),— писал Тихомиров,— состоит в том, что он предлагает закон об общественных нуждах, руководясь только полицейскими соображениями». Проект вводит «чрезвычайные ограничения права основания обществ и функционирования их». По поводу одной из статей Тихомиров указывал, что она лишает права вступать в общества и союзы девять десятых населения страны. По поводу другой статьи, запрещавшей обществам устройство библиотек, чтений, курсов, спектаклей, экскурсий, концертов, базаров, сборов пожертвований, Тихомиров замечал: «Это нечто неслыханное». Крупнейший недостаток проекта, указывал Тихомиров, состоит в том, что он «всецело» отдает общества и союзы под власть Министерства внутренних дел.

Таким образом, Тихомиров с полнейшей определенностью отверг полицейский подход к решению рабочего вопроса. Что же в таком случае он предлагал взамен? Еще... более полицейский подход, чем у Блажчука, и отрицание даже самой идеи профессиональных организаций рабочих, хотя к самой идее профессионального движения Тихомиров относился вполне положительно.

«В движении профессиональном и движении революционном,— писал он,— мы имеем перед собой два совершенно различные явления, лишь случайно связывающиеся и требующие совершенно различных мер, совершенно различного отношения к власти». И в то же время, вынужден был

⁵³ Там же, л. 55.

⁵⁴ Там же, л. 55 об.—57.

признать Тихомиров, «революция черпает физическую силу главным образом в среде опутанных революционерами профессиональных союзов»⁵⁵. Где же выход? И здесь Тихомиров снова и снова повторяет свою основную идею.

Борьба против революции, писал он, «не может быть введена только в рабочей среде... с революцией нужно бороться во всей ее совокупности, а не только в отдельных проявлениях». В связи с этим он предлагал: «1) чрезвычайные меры в отношении отдельных проявлений и 2) устранение основных источников, питающих поток революционного настроения и веры революции в свое всеисилие и торжество». Под вторым он разумел необходимость изменения Основных законов 1906 г. в том смысле, чтобы было показано, что верховная власть «всевластная и ничем, кроме себя самой, не ограниченная». Такой акт нужен для того, чтобы выбить главное орудие у революции: приписывание себе «инициативы» всех преобразований.

Поэтому надо утвердить в народе обратную мысль: «все сделано волей Верховной власти, и ничего не может быть сделано волей революции»⁵⁶.

В соответствии с этими общими положениями Тихомиров предлагал детально разработанный проект «Положения о рабочих обществах». «В действительности,— писал Тихомиров в объяснительной записке к проекту,— в России важный вопрос составляют только рабочие общества, а не профессиональные. Только о рабочих все думают, когда вырбатывают проекты профессиональных обществ, только рабочих опасаются, желают удовлетворить их нужды, желают пресечь или ослабить влияние социализма на рабочих». А раз так, то не нужно обманывать самих себя и заняться «устроением» всех категорий рабочих, разумея их «как класс, как сословие, в полном комплексе его нужд, со своей всесословной дисциплиной»⁵⁷. История профессионального движения не оставляет никаких сомнений в том, что рабочие — это особый класс, «четвертое сословие», и именно из этого следует исходить, создавая такое законодательство, которое «должно быть рабочим законодательством, а не профессиональным». Став на такой путь, уверяет Тихомиров, государство «могло бы бороться против социализма, как идея против идеи».

Далее идет любопытное рассуждение в доказательство этого тезиса. «Социальная демократия теперь потому и имеет влияние на рабочих», что доказывает им, что профессиональная борьба есть часть борьбы за социализм. Государство же, объявляя профессиональные союзы способом «закономерной» борьбы труда с капиталом, тем самым «как бы само» признает «правильным исходный пункт социализма о классовой борьбе». В этом главный порок идеи профессионального движения, от которой надо отказаться, выдвинув вместо нее «идею попечения, при котором являются не одни стеснения, но и льготы и при котором даже репрессия теряет одиозный характер, ибо имеет в виду нужды и пользы самих же (!) рабочих»⁵⁸. Русское государство, провозглашает Тихомиров, «должно идти во главе народного устроения, и за небрежение к этому может потерять в народе всякий кредит».

Поскольку рабочий вопрос чрезвычайно сложен, «выгоднее всего пока допустить организацию, а не декретировать ее». Но «эту народную самостоятельность» правительство должно все время контролировать и направлять, а для этого необходимо, «не теряя времени, создать рабочее законодательство и такие учреждения, которые бы позволили вла-

⁵⁵ Там же, л. 58 об.

⁵⁶ Там же, л. 62.

⁵⁷ Там же, л. 48.

⁵⁸ Там же, л. 43 об.

сти идти об руку с народным организационным движением». Сюда относятся:

«1) Особое «Положение о рабочих обществах и союзах», которое в будущем разовьется в положение о рабочем сословии. 2) Особое учреждение, ведающее рабочие дела, пока сосредоточивающиеся около рабочих общества. 3) Особый Вспомогательный рабочий банк, по восполнению кредитом рабочих обществ»⁵⁹.

Исходя из этой программы, в порядке реализации ее первого пункта, Тихомиров и предлагал свой «схематический проект» «Положения о рабочих обществах», «руководящая идея» которого складывалась из следующих четырех соображений: «а) чтобы среди рабочей массы преобладающее влияние получили постоянные рабочие, как наиболее заинтересованные в процветании кормящей их промышленности, б) чтобы рабочие имели достаточные права для повышения уровня своей жизни, в) чтобы власть сохранила достаточно надзора и возможности своевременной репрессии, г) чтобы рабочие не приходили ко вражде с другими классами, но по возможности направлялись на путь обоюдovыгодного мирного сожительства»⁶⁰.

Что же касается вопроса о создании специального ведомства по рабочим делам, то целесообразно создать для этого «особый департамент... при Министерстве внутренних дел», а не торговли и промышленности, как казалось бы на первый взгляд. Во-первых, этим было бы достигнуто то, что «наблюдение» и «попечение» находились бы в одних руках. Во-вторых, прекратилось бы соперничество между этими двумя ведомствами, одной из главных причин которого является подчинение фабричной инспекции Министерству торговли и промышленности. Поэтому необходимо этот институт передать тому же ведомству, в ведении которого находится и полиция. Фабричный инспектор превратился «в простого регистратора событий», а он должен «действовать». Это может быть достигнуто только указанным переподчинением. В связи с этим напомним, что именно по этим же соображениям требовал передачи фабричной инспекции в ведение Министерства внутренних дел Плеве.

Рабочий банк, по мнению Тихомирова, ускорил бы создание рабочих учреждений взаимопомощи. «Рабочие бы видели в оказываемой им помощи искренность стремления правительства достигнуть улучшения их быта»⁶¹.

Проект Тихомирова по существу был новым вариантом «зубатовщины». Уместно обратить внимание на разницу уровней, если так можно выразиться, общих критических взглядов Тихомирова на рабочий вопрос и его позитивных конкретных предложений. В первом случае трезвое ясное классовое сознание, способность видеть главное; во втором — жалкое полицейское прожектерство, ничуть не выше и не лучше раскритикованного им проекта Блажчука.

Было бы, однако, примитивным и неправильным возврат царизма к полицейскому курсу в рабочем вопросе приписать решающему влиянию Тихомирова на Столыпина. Тогда действительно можно было бы вести речь о случайности этого поворота, отсутствии объективных факторов, которые его вызвали. Конечно, не Тихомиров тому причиной. Роль его свелась к тому, что он, будучи доктринером черносотенства, выразил то, что думали Столыпины, Гурлянды и Блажчуки, в наиболее общей, в известной мере теоретической форме. Вот в этом прямом совпадении оценки положения всех деятелей режима было все дело. С каких бы конкретных позиций, под каким бы углом они ни рассматривали проблему — конечный вывод их совпадал. А вывод этот сводился к тому,

⁵⁹ Там же, л. 44 об.

⁶⁰ Там же, лл. 44 об.—45.

⁶¹ Там же, л. 45 и об.

что рабочий класс России и в третьеиюньский период был настроен революционно, он продолжал считать, что от революции получит все. В таких условиях реализация программы Коковцова становилась невозможной.

Остается сказать несколько слов о позиции буржуазии. Все ее громкие разглагольствования о свободе профессиональных союзов свелись на деле к жалкому трусливому политиканству.

В феврале 1909 г. председатель рабочей комиссии Думы барон Е. Е. Тизенгаузен запросил у Петербургского общества заводчиков и фабрикантов указаний относительно линии поведения, которую должны занять в Думе представители промышленности при обсуждении запроса социал-демократической фракции о преследовании профессиональных союзов. Большинство Совета общества высказалось по этому поводу следующим образом: «В России такие организации являются преждевременными, и самое разрешение вопроса в настоящее время является трудным. Существовавшие в России союзы носили характер не экономический, а политический, и вследствие этого они были орудием в руках революционеров... Промышленность не нуждается в такого рода обществах...»⁶². Приведенный отрывок говорит сам за себя.

От столичных капиталистов недалеко ушла и буржуазия в целом. Когда в 1909—1910 гг. Особое совещание, созданное при Министерстве внутренних дел, занялось пересмотром правил 4 марта 1906 г. и выработкой нового законопроекта об обществах и союзах, представители Совета съездов промышленности и торговли настояли на исключении одного из основных пунктов о праве профсоюзов «выяснять размеры заработной платы», т. е. бороться за ее повышение. Согласованный с представителями промышленности законопроект, который был внесен правительством в IV Думу, содержал, в частности, пункты о том, что профсоюз имел право выдавать пособие своим членам только при участии в «ненаказуемых» стачках, отделения он мог открывать лишь в пределах губернии, право участия в общих собраниях получали рабочие, проработавшие на данном предприятии не менее года, безработные не могли быть членами профсоюза и т. п.⁶³.

4.

С передачей страховых законопроектов в Думу наступил, казалось, не только последний, но и самый короткий этап их тернистого пути. Но он оказался самым длительным. Российские капиталисты оказались неистощимыми в придумывании всяческих предлогов для оттяжек, пустили в ход все средства, чтобы повлиять на правительство как явным, так и закулисным путем.

Еще в апреле 1908 г. официоз Министерства торговли и промышленности открыто заявил, что промышленники упорно настаивают на мысли о несвоевременности страховых законопроектов. В передовой, озаглавленной «Промышленники и рабочее законодательство», газета писала: с началом работы Совещания Остроградского «совпало очередное заявление представителей общества петербургских фабрикантов и заводчиков о том, что настоящий момент представляется крайне неблагоприятным для проведения в жизнь указанных мероприятий. Мы называли это заявление «очередным», но еще вернее было бы назвать его обычным». Напомнив о позиции промышленников, начиная с Комиссии Коковцова, и указав, что все законопроекты вырабатывались при их широком участии с максимальным учетом их пожеланий, официоз далее

⁶² Цит. по книге М. Балабанов. От 1905 к 1917 году. Массовое рабочее движение, М.—Л., 1927, стр. 46.

⁶³ Там же, стр. 221—222.

указывал: «Казалось, что при таких условиях проекты не должны были встретить противодействия со стороны промышленников... Но так только казалось». Теперь они опять заговорили о «несвоевременности», но уже под другим предлогом. Речь уже, по их словам, идет «о полнейшем... разорении и упадке» промышленности, о невозможности обременять ее новыми расходами. «Достойно удивления», — отмечала в связи с этим передовая, что об этом заявляет прежде всего текстильная промышленность Северного и Центрального районов, которая «в настоящее время находится в особо благоприятных условиях»⁶⁴.

Аналогичную статью поместила и столыпинская «Россия»⁶⁵.

Даже М. М. Федоров, один из лидеров Совета съездов (в частности, он возглавил специальную комиссию Совета съездов «для выработки объединенного взгляда представителей торговли и промышленности на основные проблемы рабочего законодательства и в частности на страхование от болезней и несчастных случаев») ⁶⁶, вынужден был по существу согласиться со справедливостью этих упреков. В статье «Небесполезный урок (ответ на передовую Т.-П. газеты от 20 апреля 1908 г.)», он в который раз со страниц своей газеты пытался объяснить русским промышленным тузам выгодность общеклассовой позиции по сравнению с узоклассовой⁶⁷.

Однако и на этот раз поучение не достигло цели. В своем ответе Глезмер отводил упрек в «устарелой манчестерской точке зрения», доказывая, что высказанный им ранее и подтверждаемый теперь тезис «чем позднее, тем лучше» правилен⁶⁸. Полгода спустя Глезмер снова демонстративно подтвердил свое кредо на собрании возглавляемого им общества, с упорством Катона еще раз заявив: «А следовательно и на этот раз еще «чем позже, тем лучше»»⁶⁹.

Небольшая размолвка между Федоровым и Глезмером имела, однако, гораздо более глубокие корни, чем может показаться на первый взгляд. М. М. Федоров, как мы уже отмечали, был одним из признанных и авторитетных лидеров торгово-промышленного мира. Но всякий раз, когда Федоров в качестве одного из вождей прогрессизма призывал буржуазию встать на путь общеклассовой политики, последняя выражала свое крайнее недовольство. И это относилось не только к нему, но и к прогрессистам и тем более к кадетам, как к партиям в целом. Как только политические лидеры русской буржуазии начинали говорить ей о более дальновидной политике, она хваталась за карман и начинала оглядываться вокруг в поисках лидеров из «своих», «людей дела», вроде Глезмера, Триполитова, Крестовникова и др.

О равнодушии и даже враждебности Думы в целом к интересам промышленников и торговцев печать последних писала как о нечто само собой разумеющемся. Эта же жалоба проходила лейтмотивом и через все съезды представительных организаций капитала. Для примера сошлемся на две статьи из органа Совета съездов. В передовой «Страхование рабочих от несчастных случаев» указывалось, что «наибольшим злом» является отрицательное отношение общественного мнения и правительства «к делу насаждения отечественной промышленности». «Каждый норовит, — жаловался журнал, — зарекомендовать себя другом и благодетелем рабочих и внушить последнему вражду к предпринимателю»⁷⁰. В другой передовой, «Общественное мнение и экономические вопросы», говорилось о той «злой отповеди», которую встречала со

⁶⁴ «Торгово-промышленная газета», 20 апреля (3 мая) 1908 г.

⁶⁵ «Россия», 24 апреля 1908 г.

⁶⁶ «Промышленность и торговля», 1908, № 13, стр. 18.

⁶⁷ См. «Слово», 27 апреля (10 мая) 1908 г.

⁶⁸ См. «Промышленность и торговля», 1908, № 9, стр. 587.

⁶⁹ ГИАМО, ф. 143, оп. 1, д. 252, л. 100.

⁷⁰ «Промышленность и торговля», 1909, № 6, стр. 339—340.

стороны «некоторых газет» «защита интересов промышленности и торговли частью нашей повседневной прессы». Передовая, цитируя резолюцию Комитета съездов промышленности и торговли, писала, что «нынешний год дал нам, к сожалению, еще одно доказательство того, что в парламентских кругах нет серьезного понимания государственного хозяйства» и что «даже руководящие круги» октябристов доказали, что они «чужды деловому вдумчивому отношению к интересам русской промышленности и торговли»⁷¹.

Подобное отношение к Думе буржуазия после 3 июня воплотила в весьма конкретном и деловом «парламентском» мероприятии: в создании особой торгово-промышленной группы, объединившей довольно значительное число членов Думы и Государственного совета. Сама эта группа именовала себя «Совещанием членов Государственного совета и Государственной думы, интересующихся работами обеих палат в области промышленности, торговли и финансов». Оформилась она с первых же дней существования Думы — в ноябре 1907 г. Октябристы и правые составляли в группе подавляющее большинство, кадеты и прогрессисты были представлены всего по одному человеку (Челноков и Стахович)⁷².

На соорании группы 20 ноября речь шла о задачах группы и формах ее организации и деятельности. По мнению Крестовникова, «существо дела» заключалось «не столько в той или другой форме организации, сколько в фактическом отношении между членами Государственной думы и Государственного совета». Одна из главных целей этого общения должна состоять в том, чтобы «рассеивать... неправильные взгляды о противоречии интересов сельского хозяйства и промышленности (т. е. помещиков и капиталистов.— А. А.)», которого «на самом деле нет и не существует».

Старая лиса Тимирязев предлагал соблюдать сугубую осторожность. Поскольку, указывал он, «интересы промышленности и торговли в общественной политической мысли стоят на втором плане и можно ожидать скорее враждебного, чем сочувственного к ним отношения», то «к совместной работе двух палат, если она получит видимую организацию, будут относиться предосудительно и указывать, что капитал обеих палат соединился, дабы в свое русло пустить народную русскую жизнь». Поэтому целесообразнее были бы «свободные формы единения, устройство, например, коллоквиумов...»

Ему возражал Глезмер, заявивший, что именно по тем соображениям, о которых говорил Тимирязев, «действовать тут необходимо открыто и прямо». Вслед за Крестовниковым он также усиленно доказывал, что промышленность и сельское хозяйство в России «идут рука об руку»⁷³.

⁷¹ «Промышленность и торговля», 1912, № 3, стр. 123.

⁷² По протоколам и спискам присутствующих на собраниях мы насчитали 54 члена группы. От Государственного совета: Н. С. Авдаков, А. В. Баулин, С. П. Глезмер, П. О. Гукасов, Н. Э. Краммер, Г. А. Крестовников, М. Л. Лосев, А. Ф. Мухин, В. А. Полевский-Козелл, С. М. Ротванд, В. И. Тимирязев, Б. И. Ханенко (все 12 избраны от торговли и промышленности), С. Ю. Витте, В. П. Войник-Сяноженский, А. А. Ильин, И. Г. Каменский, В. И. Карпов, М. В. Красовский, барон Л. Л. Кроненберг, А. И. Мосолов, князь А. Д. Оболенский, М. А. Стахович, С. С. Сырочинский, Н. М. Чихачев, барон О. Р. фон-Экспаре, Н. А. Ясунинский. От Думы: М. Н. Бардыгин, С. П. Беляев, А. И. Гучков, Н. И. Евреинов, Н. Т. Евстифеев, В. В. Жуковский, Л. Н. Зубков, П. В. Каменский, В. А. Карякин, С. Г. Киселев, А. П. Кожевников, барон А. А. Крюденер-Струве, Г. Г. Лерхе, Н. М. Лютов, Н. Л. Марков, И. А. Меньшиков, И. С. Монтвилл, Л. Г. Павлов, А. Д. Протопопов, К. И. Расторгуев, А. И. Ржонд, М. П. Смирнов, барон Е. Е. Тизенгаузен, А. Е. Фаворский, М. В. Челноков, Л. К. Шешминцев, М. Я. Шульгин, Р. Я. Эргард (ЦГИА СССР, ф. 150, оп. 1, д. 54, лл. 21 и об., 44, 50, 60 и об., 63 и об., 66 и об.). «Голос Москвы» 8 декабря 1907 г. называет меньшую цифру — 41 человек, но она явно неверна.

⁷³ ЦГИА СССР, ф. 150, оп. 1, д. 54, лл. 5 об., 6.

Было решено осуществить организацию в виде двух отдельных групп, из которых каждая имела бы своего старосту и его заместителя⁷⁴.

Страховые законопроекты сразу же оказались в центре внимания группы. На заседании 4 ноября Глезмер выступил по этому поводу со специальным докладом, в котором предложил тактику самого откровенного саботажа. Такова была первая сила, приготовившаяся встретить в обеих палатах правительственные страховые законопроекты еще задолго до того, как они были внесены в Думу.

Другой силой, вставшей на их пути, явилась думская комиссия по рабочему вопросу во главе с ее председателем бароном Тизенгаузенем, директором фабрики Коншина в Серпухове, человеком, теснейшим образом связанным с московскими торгово-промышленными кругами, типичным представителем октябристского капитала. Уже будучи председателем рабочей комиссии, Тизенгаузен публично объявил себя противником страховых законопроектов. Спустя несколько месяцев после внесения их в Думу он выступил со статьей в «России», называвшейся «Законы о государственном страховании и народная душа», в которой доказывал, что «законы эти служат источником нравственного падения масс, они развращают народную душу». Отсюда, естественно, следовал вывод: «беречь самобытность, беречь «народную душу» и не навязывать ей чуждых настроений должно быть лозунгом работников на этой ниве»⁷⁵.

Избрав тактику всемерного затягивания обсуждения страховых законопроектов, рабочая комиссия вместе с тем делала все возможное, чтобы зажать рот членам комиссии — социал-демократам. В частности, были отвергнуты их предложения о приглашении на заседания комиссии представителей профессиональных организаций в качестве сведущих лиц и о стенографировании прений⁷⁶.

Первый раз Тизенгаузену и его коллегам по комиссии октябристам Протопопову, Беляеву и др. не удалось изменить основную, 6 статью, возлагавшую лечение рабочих на предпринимателей. Дело, по-видимому, упиралось в правых членов комиссии. Но при втором постатейном обсуждении они все же добились своего. На заседании комиссии 9 февраля 1910 г. Тизенгаузен и правый С. В. Воейков внесли однотипные поправки к 36-й статье, возлагавшие оказание врачебной помощи на больничные кассы. Возражения ряда членов комиссии, сводившиеся к тому, что, во-первых, эти поправки не имеют никакого отношения к обсуждаемой статье (36 статья определяла размеры пособий), а, во-вторых, «в корне изменяют правительственный законопроект»⁷⁷, привели лишь к тому, что комиссия вернулась к обсуждению 6 статьи, а именно этого добивались Тизенгаузен и К°. В результате была принята поправка Воейкова, заменявшая слова «за счет владельцев предприятий» словами «за счет больничных касс»⁷⁸.

В декабре 1910 г. рабочая комиссия, наконец, закончила свою работу и затем, спустя пять месяцев 19 апреля 1911 г. страховые законопроекты попали на повестку дня Думы.

Формально Дума начала обсуждение законопроекта о страховании рабочих от несчастных случаев. Но фактически были проведены общие прения по всем четырем законопроектам, и доклад Тизенгаузена носил именно такой общий характер, за которым должны были последовать выступления по реформе в целом.

⁷⁴ От Государственного Совета были избраны Авдаков и Глезмер. От Думы позже были избраны Шешминцев, Тизенгаузен и Беляев («Голос Москвы», 8 декабря 1908 г., ЦГИА СССР, ф. 150, оп. 1, д. 54, л. 20).

⁷⁵ «Речь», 9 (22) апреля 1909 г.

⁷⁶ ЦГАОР СССР, ф. 1278, оп. 2, д. 3390, лл. 18 об., 25.

⁷⁷ Там же, л. 179 об.

⁷⁸ Там же, л. 190 и об.

Без тени смущения Тизенгаузен провозгласил, что обсуждаемые законопроекты имеют «мировое значение» и введением их в жизнь пред-
решается «ход исторического развития нашей государственности»⁷⁹. Характерной чертой доклада была его резко выраженная антисоциали-
стическая направленность. Вместе с тем Тизенгаузен усиленно призывал
к классовому миру и даже выразил надежду, что социал-демократы и
трудовики «не откажутся присоединить свои голоса за переход к поста-
тейному чтению (голос слева: нет)»⁸⁰.

Доклад Тизенгаузена повторял, конечно, все уже известные нам до-
воды, но вместе с тем содержал один новый и весьма важный момент:
открытую защиту полицейской стороны законопроектов. То, что бур-
жуазия, начиная с 1905 г., выдавала за основное принципиальное про-
тиворечие между собой и правительством, спустя шесть лет ее автори-
тетный представитель превозносил с думской трибуны как неоценимое
благо. Круг был пройден.

«Приходится признать,— говорил докладчик,— что предлагаемая нам
конструкция органов высшего надзора находит достаточно оправдания
в особенностях нашего строя, нашей действительности и нашего быта»⁸¹.

Точку зрения правых и националистов изложил Воейков 2-й. Свою
задачу правые члены рабочей комиссии, говорил он, усматривали в том,
чтобы выступать в роли «посредников, умиротворителей сталкивающихся
интересов». По-видимому, в целях подобного «умиротворения» «пред-
ставители правых партий присоединились к тому взгляду, что необходи-
мо врачебную помощь возложить не на владельцев предприятий, а пе-
редать в больничные кассы, и в этом отношении мы разошлись с тем
планом, который нам представило правительство»⁸². В отношении Стра-
хового совета и присутствий было, конечно, заявлено, что в них «главная
доля участия, главное решение должно принадлежать представителям
правительства»⁸³.

Октябрист барон Мейендорф взял под защиту действия председа-
теля рабочей комиссии. Смысл речи прогрессиста Климова сводился к за-
явлению, что прогрессисты будут голосовать за переход к постатейному
чтению и к весьма неопределенной просьбе «предоставить больший про-
стор для самодеятельности рабочих в делах самоуправления, которые
вызываются к жизни нашим новым законом»⁸⁴.

Позиция кадетов определялась двумя основными, противоречащими
друг другу соображениями: учетом непрерывного левения страны и
банкротством политики октябристов, стремлением занять место по-
следних в IV Думе, что можно было сделать лишь голосами октябрист-
ских избирателей. Отсюда, с одной стороны, «деловые» речи и поправки
Степанова, направленные на обычное кадетское «улучшение» одиозных
законопроектов, а с другой, максимально либеральная речь Щепкина,
критическая направленность которой в адрес капиталистов подчеркива-
лась тем обстоятельством, что Щепкин был избран в Думу первой город-
ской курией Москвы, т. е. теми же самыми купцами и промышленника-
ми, которым он адресовал свои упреки.

Свою задачу Степанов определил как попытку «спасти хотя бы то
немногое хорошее, что заключалось в законопроектах, внесенных прави-
тельством, и совершенно искажено большинством рабочей комиссии»⁸⁵.
Иными словами, кадетская позиция сводилась к поддержке правитель-
ственных законопроектов в их чистом виде. Степанов полностью при-

⁷⁹ Ст. от., с. IV, ч. 3, стб. 2293.

⁸⁰ Там же, стб. 2305.

⁸¹ Там же, стб. 2324.

⁸² Там же, стб. 2717.

⁸³ Там же, стб. 2720.

⁸⁴ Там же, стб. 3276.

⁸⁵ Там же, стб. 2346.

соединился к правоокабристистскому большинству в его отношении к главному требованию с.-д. фракции — одновременному введению всех видов страхования на все категории труда. Степанов отверг и другое требование социал-демократов о замене фабрично-заводских касс местными, территориальными.

Собственные пожелания кадетов, изложенные Степановым, сводились к следующему: восстановление статьи о лечении рабочих за счет предпринимателей, лечение рабочих, пострадавших от несчастных случаев, за счет страховых товариществ с первого дня, а не спустя 13 недель, как предусматривал законопроект, распространение действия обоих законопроектов на транспортные и строительные предприятия и на торговых служащих и некоторые другие. Разумеется, были сделаны возражения против «полицейских новелл», внесенных в законопроекты о Страховом совете и присутствиях⁸⁶.

Смысл речи Щепкина состоял в очередной попытке кадетов убедить буржуазию в опасности заскорузлого, узкоклассового подхода при защите своих интересов, избрав на этот раз наглядным примером рабочий вопрос. Привычку «не обманешь, не продашь», убеждал Щепкин, «следовало бы давно бросить и обсуждать отнюдь не с точки зрения выгоды своей..., а с точки зрения нужд и пользы государства». В трудовом законодательстве нужно руководствоваться «социальной справедливостью и государственной необходимостью». В качестве образца такого мудрого «государственного» подхода Щепкин привел реформу 1861 г.⁸⁷

Эту центральную идею Щепкин развивал очень подробно, подходил к ней с разных сторон, приводил все новые и новые доводы. «Представьте себе,— объяснял он октябристам и правым,— что трудящиеся массы придут к заключению, что им не следует идти за командующим классом; ведь тогда командующим классам ничего поделать не придется,— одни они не в состоянии что-нибудь сделать, ведь это небольшая кучка по отношению ко всему 150 000 000-ному народу. Что же они будут делать, если эти классы не пойдут за ними?» «Нельзя отделяться одними криками», поучал Щепкин, надо уметь «пойти на некоторые жертвы». «И если вы этого *minimum*а не дадите сейчас, то вам придется дать значительно больше в будущем»⁸⁸.

Снова отметив в конце своей обширной речи, что страховые законопроекты «проникнуты эгоизмом и узкими интересами класса промышленности», страдают «цинизмом и близорукостью» и ведут к «непоправимым последствиям», Щепкин еще раз напомнил своим собратям по контрреволюции: «армия довольных, это есть залог нашей мощи, а армия недовольных... представляет собой силу беспощадную и грозную; и я желал бы, чтобы и мы и дети наши были избавлены от столкновения с этой армией, и от вас зависит избавить нас от этого...»⁸⁹.

В выступлениях трудовиков отразились, как обычно, их революционный демократизм и одновременно непоследовательность, обусловленная их мелкобуржуазной природой. Типичной в этом отношении является речь Ляхницкого. Начав с того, что «правительство дает не то, что нужно» и законопроекты «представляют собой нечто незначительное», оратор трудовиков немного дальше заявил, что стремление правительства «бороться с поправками комиссии заслуживает полного одобрения»⁹⁰. Выдвигая главное требование своей фракции — распространение страхования на сельскохозяйственных рабочих — Ляхницкий аргументировал это тем, что такое страхование было признано необходимым

⁸⁶ Там же, стб. 2347, 2348, 2358.

⁸⁷ Там же, стб. 2609, 2510.

⁸⁸ Там же, стб. 2613, 2615.

⁸⁹ Там же, стб. 2670.

⁹⁰ Там же, стб. 2710, 2711.

самим правительством и царем еще в 1903 г. Одновременно он выдвигал в качестве довода типичный народнический тезис о том, что «страхование сельскохозяйственных рабочих будет способствовать удержанию рабочих сил в деревне, между тем как теперь они бегут отсюда в поисках заработка в городе»⁹¹. В заключение Ляхницкий огласил заявление за 30-ю подписями, состоявшее из двух пунктов: «1) признать необходимым распространить страхование на рабочих сельскохозяйственных, ремесленных, строительных, на домашнюю прислугу и вообще все виды наемного труда и 2) возратить рассматриваемый законопроект (по страхованию от несчастных случаев.— А. А.) в комиссию для переработки его в целях такого распространения»⁹².

Трудовик Петров 3-й потребовал, чтобы страхование осуществлялось государством за счет средств, полученных введением прогрессивного налога на капиталистов. В оглашенном им заявлении трудовой группы указывалось, что «законопроекты не отвечают самым основным условиям, которым должно удовлетворять обязательное страхование рабочих...»⁹³. Трудовик Томилов закончил свою речь словами: «Народ видит, что от вас, избранных по закону 3 июня, ничего не дожидаться, и когда снова наступит положение 1905 г., тогда только законодательство направится в пользу народных масс»⁹⁴.

Для социал-демократической фракции, страховые законопроекты стали одним из основных объектов деятельности. В выступлениях с.-д. депутатов обращают на себя внимание три момента, говорящие о трудном и сложном процессе становления подлинного пролетарского парламентаризма, борьбе большевистских и меньшевистских взглядов и влияний вне и внутри фракции: 1) Последовательная и всесторонняя критика страховых законопроектов с противопоставлением им страховой программы рабочего класса, 2) Провозглашение меньшевистского лозунга «свободы коалиций» как предварительного условия осуществления этой программы и 3) прямая критика позиции кадетов по рабочему вопросу.

Наиболее последовательной, с точки зрения революционной социал-демократии, была речь Покровского 2-го, выступившего вслед за Тизенгаузенем. Он сразу заявил, что для фракции «важны не практические результаты, не осуществление данных законопроектов правительством, для нас в данную минуту важно принципиальное суждение по данному вопросу». Отметив далее, что рабочий класс «совершенно был устранен» от выработки страховых законопроектов, в то время как промышленники принимали в этом самое непосредственное участие, Покровский пояснил, что фракция пользуется данным случаем, чтобы «высказать принципиальное суждение рабочего класса по данному вопросу и высказать нашу социалистическую точку зрения...»⁹⁵.

Прежде всего социал-демократический оратор отверг известный тезис думского большинства, будто социал-демократы являются принципиальными противниками социальных реформ вообще, сторонниками тактики «чем хуже, тем лучше». «Социальная реформа...,— пояснил он взгляд социал-демократии на этот вопрос,— не является препятствием, а наоборот является средством, содействующим и ускоряющим социальный коренной переворот. Мы, принимая социальную реформу, думаем, что она не затемнит сознания рабочих, а наоборот прояснит это сознание и приблизит социальный вопрос к окончательной развязке»⁹⁶.

Далее Покровский изложил основные пункты программы социал-демократии по государственному страхованию: распространение страхова-

⁹¹ Там же, стб. 2714.

⁹² Там же, стб. 2716.

⁹³ Там же, стб. 3262.

⁹⁴ Там же, стб. 2744.

⁹⁵ Там же, стб. 2327, 2328.

⁹⁶ Там же, стб. 2330, 2331.

ния на все категории наемного труда, введение страхования по старости и инвалидности, безработицы, беременности, страхование вдов и сирот, единая страховая организация, территориальный тип больничных касс, их полное самоуправление, увеличение пенсий до размеров заработной платы и др. «Социальная реформа, осуществленная по этой программе,— подвел итог Покровский,— не может встретить с нашей стороны оппозиции, а, наоборот, встретит наше сочувствие»⁹⁷. Заявив, что обсуждаемые законопроекты являются «простым обманом», Покровский закончил свою речь следующими словами: «Мы прямо горячие, убежденные и последовательные противники этих законопроектов и будем голосовать против них... в той надежде, что рабочий класс в самом ближайшем времени соберет свои силы и завоюет себе условия для свободной классовой борьбы, а тогда все вопросы социального законодательства могут быть, должны и будут поставлены на надлежащую здоровую почву»⁹⁸. Его товарищ по фракции Предкальн добавил: «Если нам в настоящее время задают вопрос, как мы относимся к задачам рабочего законодательства, то мы отвечаем: мы требуем прежде всего законодательного осуществления прав коалиций для рабочих»⁹⁹. То же самое говорил и Чхеидзе: «Нам нужна свобода союзов, собраний, стачек»¹⁰⁰.

Позиция кадетов подверглась критике со стороны с.-д. фракции уже при постатейном обсуждении, дававшем удобные поводы для разоблачения кадетской политики и тактики в рабочем вопросе. «Все здесь существующие в Думе политические партии, исключая разве только трудовиков, и конституционалисты — демократы и октябристы, и правые,— подчеркивал Кузнецов,— будете голосовать против наших поправок»¹⁰¹. «Касаясь других наших политических фракций...,— говорил он дальше,— я должен указать, что недалеко от них (правых и октябристов.— А. А.) ушли и фракция народной свободы и мирнообновленцы»¹⁰². Рассказав затем о выступлениях Степанова в рабочей комиссии, направленных против распространения страхования на железнодорожников, Кузнецов делал следующий вывод: кадеты показали, что «они являются так же, как и октябристы и как партия правых, противниками единого страхования»¹⁰³.

В связи с выступлением председателя Совета министров Коковцова Кузнецов указал на трогательное согласие кадетов с новым премьером¹⁰⁴.

Показательно, что все эти обвинения в адрес кадетов исходили от типичного меньшевика, каким был Кузнецов. Этот факт свидетельствует о возросшем воздействии рабочего класса на фракцию, с чем меньшевики вынуждены были по необходимости считаться (сам Кузнецов в своих выступлениях приводил неоднократно резолюции и высказывания рабочих собраний и профсоюзов, выражавшие резко отрицательное отношение к страховым законопроектам)¹⁰⁵.

В целом с.-д. фракция справилась со своей задачей разоблачения антирабочей политики всех фракций думского большинства. Ее декларация по поводу страховых законопроектов провозглашала: «Социальные реформы против социальной революции — таков лозунг буржуазии; социальные реформы для социальной революции — лозунг пролетариата»¹⁰⁶.

В апреле — начале мая 1911 г. страховые законопроекты были закончены только в первом обсуждении. Совещание Государственной думы

⁹⁷ Там же, стб. 2342.

⁹⁸ Там же, стб. 2343, 2344.

⁹⁹ Там же, стб. 2595—2596.

¹⁰⁰ Там же, стб. 2379.

¹⁰¹ Ст. от., с. V, ч. I, стб. 156.

¹⁰² Там же, стб. 161.

¹⁰³ Там же, стб. 162.

¹⁰⁴ Там же, стб. 530, 532.

¹⁰⁵ См., например, Ст. от., с. IV, ч. 3, стб. 2696.

¹⁰⁶ Там же, стб. 2807.

совместно с представителями фракций решило отложить постатейное обсуждение на осень, т. е. перенести уже на пятую, последнюю сессию Думы. Это решение Дума приняла 2 мая¹⁰⁷. Вызвано это было горячим желанием право-октябристского большинства успеть обсудить до конца сессии более близкие его сердцу антифинляндские законопроекты.

Постатейное обсуждение законопроектов представляло собой в основном картину методического издевательского отклонения всех социал-демократических поправок. Все 162 поправки, внесенные с.-д. фракцией, были отвергнуты. Та же участь постигла и поправки трудовиков. Были провалены и все сколько-нибудь значительные поправки кадетов, несмотря на то, что они нередко защищались обычным кадетским способом: уверением соседей справа, что эти поправки вносятся для их же собственной пользы. Самым шумным событием было отвержение поправки рабочей комиссии о лечении рабочих за счет больничных касс.

Правительство в этом вопросе заняло твердую позицию, заявив, что не допустит поправки рабочей комиссии. Но и здесь по отношению к промышленникам была проявлена максимальная предупредительность и уступчивость. В результате переговоров с октябристами было достигнуто соглашение, смысл которого сводился к тому, что за отказ последних от поправки Воейкова все остальные требования буржуазии, касающиеся экономической стороны законопроектов, включая и пресловутые 13 недель, удовлетворяются полностью. Доказательством подобного соглашения служат два основных факта: во-первых, октябристы внесли соответствующую поправку еще до выступлений представителей правительства и, во-вторых, при дальнейшем обсуждении все сколько-нибудь существенные поправки, принятые Думой, исходили от октябристов.

Расшаркавшись вначале перед рабочей комиссией за ее «ценную и строго обдуманную работу», подчеркнув, что предложенная ею статья о врачебной помощи «с точки зрения логики и последовательности... не допускает критики», октябрист Каменский дальше заявил от имени фракции, что «в настоящий момент было бы наименее вредно и наиболее целесообразно сохранить за предпринимателями те функции, которые они фактически несут в деле врачевания рабочего населения». Поэтому «мы полагаем, в виде временной меры надо предоставить предпринимателям лечение рабочих»¹⁰⁸. В заключение Каменский зачитал соответствующую поправку, вносимую октябристами.

После этого выступления сразу же последовали речи Коковцова и Тимашева. Так как поправка Каменского «совершенно совпадает с проектом правительства,— закончил свою речь последний,— то правительство против нее не возражает»¹⁰⁹.

В январе 1912 г. страховые законопроекты были приняты Думой и переданы в Государственный совет. 2 мая они были приняты второй палатой, а 23 июня 1912 г. стали законами. Эти законопроекты в конечном итоге явились одной из причин, углубивших и обостривших противоречия между царизмом и буржуазией. По мере того как все более обнаруживался провал третьеиюньского курса, в том числе и реформы рабочего законодательства как его составной части, нападки правой печати, верхов на буржуазию делались все энергичнее, а жалобы и стенания капиталистов заполнили страницы их газет и журналов. Кульминация наступила во время Ленского расстрела, показавшего всем и вся тщету совместных пятилетних бесславных и бессильных попыток царизма и буржуазии предотвратить наступление нового революционного подъема.

В декабре 1910 г., в связи с окончанием работы рабочей комиссии по страховым законопроектам и передачи их для обсуждения в Думу, «Но-

¹⁰⁷ Там же, стб. 3279.

¹⁰⁸ Ст. от., с. V, ч. 1, стб. 480—481, 482.

¹⁰⁹ Там же, стб. 495.

вое время» опубликовало две статьи некоего Наумова, в которых комиссия и буржуазия в целом подверглись самой резкой критике.

В первой статье («Законодательная обструкция») сначала отмечалось, что крупные промышленники играют, «к сожалению», в рабочей комиссии «доминирующую роль», далее делался следующий вывод: труды комиссии «можно резюмировать весьма кратко: гг. промышленники окончательно оправились от испуга. В 1905 г. фабриканты готовы были выполнить три четверти социалистической (!) программы. Теперь они резонно соображают: благо в данную минуту нет угрозы массовых забастовок, нельзя ли отделаться копеечной подачкой? Более того, в расчеге спрятаться в случае чего опять за спину правительства, архилиберальные во всех прочих отношениях промышленники считают себя даже оскорбленными, если так можно выразиться, до глубины кармана предложениями того же правительства понести известные жертвы ради улучшения быта рабочего класса».

Припомнив промышленникам всю историю их пятилетнего сопротивления, упомянув в этой связи Глезмера и Триполитова, как наиболее активных противников страхового законодательства, Наумов указывал, что и в отношении оставшихся двух законопроектов, еще задолго до внесения их в Думу, «промышленники выторговали себе ряд чрезвычайных существенных уступок, которые в переводе на деньги оцениваются десятками миллионов рублей». «Дальнейшие обстоятельства законодательной процедуры,— констатировал далее автор,— складываются для промышленников не менее благоприятно. Дело страхования рабочих, если можно назвать так жалкие остатки задуманной системы, находятся теперь в более чем надежных руках тех же гг. Глезмера и Триполитова в Г. Совете и бар. Тизенгаузена в Думе». Законопроекты «встречают... упорную тактику противодействия со стороны обеих комиссий»¹¹⁰.

Вторая статья, опубликованная на другой день под названием «За чей счет?», была посвящена как раз поправке к 6-й статье, о которой шла речь выше. Отметив упорство, с каким Тизенгаузен добивался и добился перерешения вопроса, Наумов заканчивал свою статью следующим образом: пока скажем большинству обеих комиссий: «Если эти господа желают быть защитниками ситценабивных и мануфактурных фабрик, а не представителями народных и государственных нужд, то пусть лучше они сложат с себя то высокое звание, которым облечены теперь, и не компрометируют более идею народного представительства в России. Да будет им стыдно»¹¹¹.

Статьи Наумова вызвали ответ Глезмера, который в основном сводился к отрицанию приписываемой ему и Триполитову роли¹¹².

В журнале Совета съездов появляются статья за статьей с оправданиями, жалобами на несправедливые упреки в адрес промышленников, на несочувствие общественного мнения, о чем уже мы говорили выше, и т. п. Передовая под названием «Рабочие законопроекты» уверяла, что отношение «объединенной промышленности» к внесенным в Думу страховым законопроектам является «вполне сочувственным». «Часть общественного мнения», которая медлительность Думы приписывает влиянию на нее «торгово-промышленного класса», ошибается: последний в Думе «слабо представлен». В своей обиде промышленники подымались до высот горестной иронии: «Не секрет проявленное Госуд. Думой безразличное и в общем неблагоприятное отношение к интересам торговли и промышленности. И вдруг по рабочему вопросу Госуд. Дума творит беспрекословную волю промышленников!»¹¹³.

¹¹⁰ «Новое время», 7 (20) декабря 1910 г.

¹¹¹ «Новое время», 8 (21) декабря 1910 г.

¹¹² «Промышленность и торговля», 1910, № 24(72), стр. 635.

¹¹³ «Промышленность и торговля», 1911, № 9(81), стр. 397.

В передовой «Общественное мнение и экономические вопросы» говорилось, что стоило только «Утру России» указать на странное запрещение обсуждать на XXXVI съезде горнопромышленников юга России вопрос о страховании рабочих, как то же «Новое время» обрушилось с резкой статьей на «официальный орган красных банкиров и дисконтеров» и «шикурно заинтересованный буржуазный парламент, заседающий под скромным названием Съезда представителей промышленности и торговли»¹¹⁴.

Сильнейший удар нанес буржуазии Витте при обсуждении страховых законопроектов в Государственном совете. Меткость и действенность его обличений крылась не в новизне фактов, которые он приводил, а в том, что Витте был признанным и самым высоким авторитетом в области этих фактов. Выступая 18 апреля 1912 г. с одобрением страховых законопроектов, Витте специально подчеркнул, что русская промышленность находится, по сравнению с промышленностью большинства других европейских стран, в несравненно более благоприятных условиях «под действием двух живительных влияний»: протекционизма и аграрного перенаселения. Первый фактор позволяет русским промышленникам продавать товары дороже, чем они стоят за границей, и возлагает, следовательно, дополнительное бремя на покупателей, а также и на сельское хозяйство, потому что за граница в ответ на промышленный протекционизм отвечает протекционизмом аграрным. Витте специально подчеркнул при этом, что он не только не является противником протекционистской политики, но, наоборот, всегда был и остается ее убежденным сторонником и проводником. Его мысль сводилась к тому, что если все классы русского общества кладут определенные жертвы на алтарь протекционизма, то справедливо, чтобы и промышленники понесли некоторые жертвы по страхованию рабочих. Второй фактор заключается в том, что земледельческий строй России порождает миллионы крестьян-пролетариев, в результате чего «нигде в европейских странах промышленность не имеет столь дешевых рабочих рук, как у нас в России». В подтверждение Витте привел сравнительные данные о годовой заработной плате рабочих ряда стран: в Англии примерно 550 руб., во Франции — 540, в Германии — 450, в Австрии — 340 и в России — 250 руб.

Кроме того, указывал Витте, расходы предпринимателя в Германии на страхование и лечение рабочих «гораздо больше сравнительно с накладными расходами, которые лягут на предпринимателей в случае принятия предложенных законопроектов». Таким образом, делал он окончательный вывод, «накладные расходы, вызываемые предлагаемыми законопроектами, будут умеренными и справедливыми»¹¹⁵.

Вторая речь Витте последовала спустя два дня и являлась ответом Дурново, который, основываясь на цифрах секретаря думской рабочей комиссии Беляева, доказывал, что германская промышленность дает более высокие прибыли, чем русская (соответственно 6,48% и 3,47%). С полным знанием дела Витте высмеял и Беляева и Дурново. Он задал один простой, но решающий вопрос: если дело обстоит так, как утверждают Беляев и Дурново, то почему иностранный капитал идет в Россию, а не наоборот, как непременно случилось бы, если бы цифры Беляева оказались верны. Тогда, иронизировал Витте, «мы завоевали бы мирным путем Германию, Францию, Англию и т. д.»¹¹⁶.

Витте отверг так же, как несостоятельный, один из контрдоводов промышленников, что заграничный рабочий получает больше потому, что он способнее и лучше работает, чем русский рабочий. Старый царский сановник был вынужден признать высокие профессиональные качества

¹¹⁴ «Промышленность и торговля», 1912, № 3(99), стр. 123.

¹¹⁵ Государственный совет, Ст. от., с. VII, 1911—1912 гг., стб. 3404, 3405, 3406.

¹¹⁶ Там же, стб. 3521.

русского рабочего. «Я сам,—говорил он,—имел большое отношение к рабочим в качестве служащего на железной дороге, и я думаю, что многие подтвердят, что более способного человека, чем человек русский, за границей не встретишь, может быть у них есть другие качества, но отрицать в русских людях способность со способностью иностранных рабочих едва ли правильно». «Уже теперь создались тысячи русских рабочих... которые, я уверен, за пояс заткнут и заграничных рабочих»¹¹⁷.

На другой день Витте выступил еще раз, ответив на возражения Крестовникова, Триполитова и др. Он отверг довод промышленников, будто иностранный капитал идет, собственно, не в русскую промышленность как таковую, а в те немногие отрасли, которые дают большие доходы. Это неверно, доказывал Витте: кризис 1900—1901 гг. показал, что больше всего пострадали именно иностранные капиталы¹¹⁸. При этом он добавил, что в первой своей речи упустил еще один важный аргумент, а именно: если бы в России снять все ограничения, связанные с учреждением акционерных обществ и вообще промышленных предприятий и разрешить явочный порядок, то тогда, иронизировал граф, «Вы увидите, как масса иностранных капиталистов пойдет сюда для того, чтобы по уверениям, которые я здесь слышал... получать здесь менее того, что они получают за границей»¹¹⁹.

Не выдерживает критики, по мнению Витте, и довод промышленников о том, что русские капиталы не идут за границу по той простой причине, что их просто нет. «Но позвольте, господа, припомнить,—прижал к стене своих оппонентов Витте,—сколько капиталов русских было переведено за границу в 1904 и 1905 гг. накануне революции. Сотни и сотни миллионов. Когда нужно было уходить от революции, тогда нашлись капиталы и отправлялись за границу. И они оставались бы там и пошли бы в промышленность, если бы это было выгодно. Но как только у нас все успокоилось, понятно, что и капиталы пришли обратно для помещения их здесь более выгодного. Наконец, если Вам угодно будет обратиться к отчетам банков и к различным капиталам, которые в этих банках лежат непроизводительно, то вы увидите, какая у нас масса своих капиталов»¹²⁰.

Речи Витте имели большой резонанс, и все попытки промышленных заправил хотя бы несколько сгладить произведенное ими впечатление, оказались неудачными. Орган Совета съездов вынужден был признать что речь Витте «несомненно послужила к укреплению ошибочных взглядов, столь прочно установившихся в образованной части общества на положение нашей промышленности» и в этом заключается «идейный грех бывшего насадителя крупной индустрии в нашем отечестве»¹²¹.

Особенного накала нападки правых достигли в связи с Ленским расстрелом. Речи Маркова 2-го, Замысловского, Половцева и др. во время обсуждения запросов о ленских событиях были уснащены самыми громовыми выпадами против ненасытных appetitов буржуазии. Правда, основное внимание было уделено доказательству, что главными виновниками являются капиталисты-евреи, но тем не менее кампания велась против буржуазии в целом. Тон ей задавала суворинская газета. Заголовки и выражения вроде «Зарвавшиеся монополисты», «Круговая кабала», «Господство монополистов, потерявших меру в своих притязаниях и не боящихся для защиты своих привилегий проливать кровь рабочих, создающих им их колоссальное богатство», были самыми типичными для нее и других правых газет. С другой стороны, правые вы-

¹¹⁷ Там же, стб. 3522.

¹¹⁸ Там же, стб. 3554.

¹¹⁹ Там же, стб. 3555.

¹²⁰ Там же, стб. 3555—3556.

¹²¹ «Промышленность и торговля», 1912, № 9(105), стр. 447, 448.

ражали всяческое сочувствие рабочим. Фразы «несчастные рабочие», «каторжный труд», «жертвы биржи» и пр.¹²² были столь же характерны как и первые. Помимо демагогии и желания свалить вину с правительства на капиталистов, здесь был и другой глубокий смысл: разочарование в «новой» рабочей политике и стремление на базе этого разочарования вернуться к старой — к открытой полицейской политике.

Провал рабочей политики и Ленский расстрел, в связи с общим провалом третьейеюньского курса, привели к усилению противоречий и в самом правительственном лагере, разочарованию в действительности и необходимости союза с буржуазией. Показательной в этом отношении является статья Меншикова под характерным заголовком «Экзамен В. Н. Коковцова», опубликованная спустя три дня после Ленского расстрела. Статья посвящена речам Коковцова и Крестовникова, которыми они обменялись в Московском биржевом комитете. «Обе речи,— писал Меншиков,— явились как бы громкими декларациями двух союзных лагерей перед новой парламентской кампанией: правительства и капитала...» Автора не устраивает такое положение дел: «Как все это, согласитесь, не похоже на добрые старые времена торжественных выездов начальства в Москву! Невольно спрашиваешь, куда девалось господствующее сословие в России — дворянство?» «Купцы решительно выступают теперь в роли древних дворян, они требуют себе привилегий во имя бесспорных государственных и всенародных интересов. А дворянство... добровольно обрекает себя на чисто служебную, наемническую роль...» Коковцов выдержал экзамен у биржевиков «на двенадцать баллов»¹²³. Разумеется, это было не столько жалоба, сколько угроза и купцам, и премьеру, которую они, кстати сказать, почувствовали вскоре самым непосредственным образом.

Итак, царизм не сумел решить рабочий вопрос в третьейеюньский период. Причиной этому была складывавшаяся в стране объективная революционная обстановка. Тем менее оказалась к этому пригодной русская буржуазия, неспособная к самостоятельному историческому творчеству.

¹²² «Новое время» 8(21) и 10(23) апреля 1912 г.

¹²³ «Новое время», 7(20) апреля 1912 г.